

ПОЭЗИЯ

Данте Алигьери
Божественная Комедия

перевод Ст. А. Айдиняна

Российско-итальянская
научно-исследовательская
Академия Феррони
Accademia Ferroni

Российско-итальянская научно-исследовательская "Академия Феррони" приветствует появление трех первых песен "Божественной комедии" Великого Данте в новом русскоязычном обличении. Каждая новация в российской дантане драгоценна для нашего понимания классической Поэмы.

Поэт Серебряного века Эллис перевел четыре фрагмента из разных песен Комедии. Несмотря на фрагментарность этих переводов, Эллис стал известен как переводчик Данте. На этом фоне особенно явственно значение нового перевода, сделанного Ст. А. Айдиняном, которое, по сути, является художественным переводом, совершенно оригинально исполненным, говорящим свое слово в открытой прошлым столетием традиции.

Президент Российской-итальянской
научно-исследовательской
"Академии Феррони"

Алла Феррони

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Каждый, знающий "Божественную комедию" Данте, по-своему слышит ее, по-своему погружается в ее волны и созвучия. Поэма касается запредельного, посмертья, сфер, в которых душа оказывается за порогом земного бытия... Отсюда - огромный соблазн приближения к скрытым в ней эсхатологическим безднам, к символическим многосмыслиям и мифологемам.

В XIX столетии признанными знатоками "Божественной комедии" среди прочих были - король Саксонии Иоанн, который перевел всю поэму на немецкий язык белым стихом, и классик американской литературы, поэт Генри Лонгфелло, сделавший полный перевод на английский язык. Лонгфелло находил утешение в этой работе после ужасной гибели при пожаре в 1861 году его жены, ставшей для него поэтической тенью, как для Данте - Беатриче.

В России отрывок из дантова "Ада" - "Уголин" в прозаической передаче П.С. Железнова включен им в его "Сокращенную библиотеку в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса" (СПб, 1800). Цензурное разрешение на выпуск книги было получено 8 декабря 1799 года. Посвящена же она, в духе времени, "Государю цесаревичу и величайшему князю Константину Павловичу", сыну Павла I, наследнику, отрекшемуся, как известно, от престола в 1825 году.

...Прошлый век открывает большую переводную русскую дантеану. Среди первых - опыты поэта и путешественника Абрама Норова, героя войны 1812 года, потерявшего ногу при Бородинской битве.

Особенно интересен большой отрывок из III песни "Ада", напечатанный в "Сыне отечества" в 1823 году, получивший более чем через столетие одобрение крупного дантолога, родственного (как причудливы линии судеб!) фельдмаршалу, победителю в 1812 году французов. И.Н. Голенищев-Кутузов о том переводе А.С. Норова писал: "Переводчику удалось передать образный строй и энергию выражений подлинника".¹

¹ См. И.Н. Голенищев-Кутузов. "Творчество Данте и мировая культура", М., 1971, с. 459.

Еще два эпизода - “Франческа Римини” и фрагмент XV песни “Рая” А.С. Норов поместил в “Северную лиру на 1827 год”. В рецензии на альманах А.С. Пушкин недовольно замечал: “Норову не следовало бы переводить Данта...”

Художественно полноценны, несмотря на архаичность языка, переводы П.А. Катенина - первых трех песен “Ада” - I (1827), II (1827), III (1830) и отрывка “Уголин” (“Сын отечества”, 1817).

Далее последовал столь же “древлеязычный” стихотворный перевод адъюнкт-профессора, словесника С.П. Шевырева - II и IV песни “Ада” в №1 “Москвитянина” за 1843 год и надпись над входом в ад из начала III песни - в “Ученых записках Московского университета” (1833, №5). Эта надпись, переданная тоже стихами, явлена в обрамлении пространного изложения содержания Поэмы. Изложение продолжено и в следующих “Ученых записках”.

Можем упомянуть еще и более ранний, хотя уж совсем неполный и неуклюзий перевод пяти строк из той же “надвратной” надписи, опубликованной в харьковском университете журнальчике “Украинский вестник на 1817 год”. Его нам оставил Орест Сомов.

С 1840-х годов робкий ручеек отрывков и фрагментов, отражавших преломленно-художественно Великую поэму, расширился до разноголосо шумящей реки больших, объемных переводов.

Заметнейшим явлением литературной жизни стал первый полный, да еще оснащенный параллельным итальянским текстом оригинала, перевод “Ада”, выполненный Федором Фандимом. За этим забавным псевдонимом скрывалась Ел. Вас. Кологривова. Ее перевод, сделанный белым стихом, женственно-поэтичен, его весьма одобрил В.Г. Белинский и, напротив, изругал проф. С.П. Шевырев. Выход перевода датируется 1842-43 годами.

В 1875 году он выдержал еще одно издание в серии “Европейские классики” под редакцией П. Вейнберга, который и

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

сам дал в 1875 году в “Вестнике Европы” (№5) свой перевод III песни “Ада”, также как и Ел. Кологривова, верлибром.

П. Вейнберг написал о тех трудностях, с которыми столкнется всякий, кто возьмет на себя подобный труд: “Уже одно обилие в ней (“Божественной комедии” - Ст. А.) собственных имен и богословско-философских рассуждений ставит перед переводчиком дилемму - или жертвовать некоторыми из этих подробностей для рифмы - (да еще такой, которая в терцинах “Ада” чередуется не совсем обычным образом) - или втискивать все в стих, становящийся от этого крайне тяжелым, почти невозможным для чтения”.² Перевод П. Вейнberга, несмотря на то, что не рифмован, все же достаточно поэтичен, язык его легок, будто принадлежит не к своему, а к следующему веку.

Самым серьезным поэтическим переводом того времени считается перевод ученого-медика, занимавшего кафедру судебной медицины в Московском университете, затем жившего в Петербурге Дмитрия Мина. Осуществив публикацию отдельных песен в “Москвитянине” (1843, №4) и в “Современнике” (1845, №11), в 1855 году он решился после “одобрительных суждений друзей” и “необыкновенно лесного отзыва профессора С.П. Шевырева”, издать полный текст “Ада” - размером подлинника.

Незадолго до смерти Д. Мин завершил окончательную редакцию перевода, отличавшуюся от опубликованной. Купленная у потомков переводчика издательством Суворина, эта редакция была подготовлена к печати и издана в 1907 году. Именно этому изданию Императорская Академия наук присудила полную премию имени Пушкина.

Если до Мина текла река переводов “Комедии”, то после него обрушился целый водопад полных переводов “Ада”. В первую очередь - весьма заметный и в первых песнях достаточно поэтичный перевод поэта-демократа Д.Д. Минаева, опуб-

² “Вестник Европы”, т. III, кн. 5, СПб, 1875, с. 115-116.

ликованный сначала роскошным изданием с гравюрами Гюстава Дорэ в Лейпциге в 1874 году. В Петербурге тот же изатель, М.О. Вольф, издал его в году 1876-ом. Некоторые думают, что Д.Мин - более ранний псевдоним Д. Минаева, но это ни в коей мере не соответствует истине. Поэт Д. Минаев нисколько не походил на доктора Мина, человека совершенно иной жизненной устремленности, хотя в столь причудливом сходстве имен, кажется, звучит, чуть слышно, намек на неслучайность Судьбы...

Далее последовал вполне оригинальный для своего времени поэтический перевод "Ада" В.А. Петрова, изданный в Петербурге в 1878 году. Непонятно только почему на титульном листе этот перевод означен как "Подстрочный" с итальянского терцинами... Видимо, само слово "подстрочный" в те годы не имело значения, приобретенного позже, не означало "буквальный", а скорее - "дословный". Однако ни подстрочным, ни дословным, ни буквальным опытом В.А. Петрова сегодня назвать нельзя.

После перечисленных серьезных "приближений" к "Комедии", анекдотичным видится "перевод стихами" А.П. Федорова, появившийся в 1894 году. Он исключительно далек по форме, по стихотворному размеру от оригинала но, к удивлению, все же основной смысл Поэмы хоть и пунктирно, но живо и кратко передает. Ругать текст "Ада" А.П. Федорова стало доброй традицией в отечественном дантоведении.

Благонамеренно и вдумчиво постарался дать свое прочтение, на сей раз опять размером подлинника, книготорговец Н. Голованов. Текст его перевода предварительно просмотрел профессор Ф.И. Буслаев, о чем переводчик с гордостью сообщает на титульном листе вышедшего в 1899 году своего труда.

Достойно завершает стихотворную дантеану переводов XIX века изданная уже на рубеже века XX-го - "Божественная комедия" - Поэма Данте Алигьери в новом стихотворном переводе О.Н. Чюминой.³ Перевод Чюминой издан потом еще

³ Издание Каспари, СПб, 1900.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

раз в 1921 году в Берлине Русским универсальным издательством. Он отличался исключительной легкостью, стремительностью, несмотря на некоторые вольности, впрочем, в той или иной мере свойственной *всем* без исключения существующим переводам, вне зависимости от того, созданы они мастерами, поэтами, или скромными "аматерами" пера...

Наш краткий очерк "старой" дантеаны был бы неполон, если бы мы не упомянули еще три перевода, весьма небесполезных для исследователя "Комедии". Это *изложение* "Ада" С. Зарудного "с объяснениями и дополнением", вышедшее в 1887 году, потом *подстрочный прозаический* перевод В.В. Чуйко (СПб, 1894), дающий общую канву, смысловую "подкладку" классического текста, и в том же 1894-ом - тоже в Петербурге, перевод "Ада" П.А. Каншина, изложившего незадолго до того прозой целое "Полное собрание сочинений В. Шекспира" и выпустившего его в 1893 году бесплатным приложением к журналу "Живописное обозрение". Скромные достоинства прозаических переводов П. Каншина были общеизвестны, но и они небесполезны для истории понимания Поэмы...

Новый, ХХ век принес и новые опыты поэтических переводов Данте в русскую словесность. Эллис (Л.Л. Кобылинский) в своей книге "Иммортели" (1904) дал несколько отрывков из "Ада" (из I, III, V, XXXII и XXXVI песен). Их не одобрял А. Блок, назвавший "тщетными упражнениями".⁴ Однако отрывки, переведенные Эллисом, стройны, своеобразны и самостоятельны, несмотря на легкую сухость манеры преподнесения.

Глубокий и ценный хотя и вовсе не большой по объему труд переводческого искусства по одной I песне "Ада" оставил В.Я. Брюсов, чьи переводы с европейских языков составили целый том.⁵ Брюсов неплохо знал итальянский язык, но многое изучил, прежде чем перевести I песню, за которой

⁴ Об этом - в книге А. Асояна "Прочтите величайшего поэта", М., 1990, с. 187.

⁵ "Зарубежная поэзия в переводах В. Брюсова", М., 1994.

должен был последовать весь перевод Поэмы, но Первая Мировая война и иные литературные труды помешали этому. Осталось еще опубликованное С. Бэлзой начало III песни - "Здесь, чрез меня, вход в области мучений".⁶

В. Брюсов, признавая, что перевод Д. Мина - лучший из существующих на русском языке, тем не менее отвергал его. "Правда, важнейшее сохранено, но исчезли оттенки мысли, вся сложность речи и длинный ряд отдельных образов".⁷

Перевод Брюсова, грозивший стать эталонным в русской дантеане, так и не был осуществлен, однако к готовившейся при его жизни публикации первой песни, поэт написал предисловие, во многом не потерявшее актуальности и по сей день. В нем, в частности, сказано: "...язык "Божественной комедии" нечто единственное, цісіт: на этом языке никто никогда не говорил, и никто на нем не писал, кроме Данте. Этот язык пестр: в нем много латинизмов, не удержавшихся позднее, много народных выражений, позднее также отпавших... Мыслимо ли создать что-либо подобное на другом языке?..."⁸

Вышесказанное перекликается и с тем, что говорил другой переводчик Н. Голованов в предисловии к своей версии "Божественной комедии": "Архаизмы и славянизмы я не стеснялся употреблять, частью памятуя, что Литтре даже умышленно пробовал переводить Данта старинным французским языком XIII столетия, часто и потому, что наш обыденный язык слишком беден для красок и оттенков речи Данта. Поэтому я употреблял былинные и песенные обороты, не стесняясь и низменными выражениями, хотя на фоне общей торжественности тона. Получилась известная пестрота языка но, быть может, она отражает пестроту той vulgaris eloquentiae,⁹ перво здателем которой явился сам Дант."¹⁰

⁶ Сб. "Данте и славяне", 1965, с. 93.

⁷ Там же, с. 82.

⁸ "Данте и славяне", с. 86.

⁹ Народное красноречие (лат.).

¹⁰ В кн. "Данте Алигьери. Божественная комедия". ч. 1. "Ад".

М., 1896, с. 5.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Хочется еще раз кратко возвратиться к пониманию задач перевода, завещанных В. Брюсовым: "Читатель "Божественной комедии" должен выносить, говоря терминами, эстетическое наслаждение, и это требование важнее, чем все другие: правильность толкования отдельных мест, точность в передаче технических выражений, даже близость к букве текста. Не-художественный перевод стихами не имеет права на существование".¹¹

После Брюсова, для которого, как видим, требование художественности было определяющим, все-таки появился перевод, который, по мнению многих, стал эталонированным. Это, конечно, полный перевод "Божественной комедии" М.Л. Лозинского, сделанный в период - с 1936 по 1946 годы.

"Ад" переведен в 1939 году. Этот перевод считался академическим, он выдержал в тоталитарные времена массу изданий в СССР, и было не принято говорить правду, что наряду с неоспоримыми поэтическими находками и удачно переведенными терцинами, перевод М. Лозинского все же тяжеловесен, а временами и затемнен не менее чем у его предшественников...

Совершенно особым явлением русской дантеаны - взошел скромным и почти неизвестным до сих пор ростком - перевод "Ада", сделанный мастером прозы русского зарубежья, Борисом Зайцевым.¹² Это размеренно-спокойная, обстоятельная ритмизованная проза, взгляд на бездну, увиденную как бы со стороны.

Завершением дантеаны "советского периода" следует признать намеренно-архаизированный опыт филологического перевода видного дантолога А.А. Илюшина, публиковавшего свой "силлабический перевод - наблюдения над текстом".¹³

Позже появилось и полное издание всего текста с комментариями. Илюшин также составил, снабдил вступительной статьей и примечаниями своеобразное издание "Божественной комедии", где под одной обложкой собраны образцы перево-

¹¹ "Данте и славяне", с. 84.

¹² УМСА-PRESS, Париж, 1961.

¹³ В выпусках "Дантовских чтений". "Ад" - 1976, 1979, 1982, 1985, 1987. "Рай" - 1987, 1990, 1995.

дов прошлого века, дополненные переводом М. Лозинского. “Ад” в стихотворных переводах представлен полностью. “Рай” и “Чистилище” - в извлечениях и пересказе.¹⁴

Означает ли обилие существующих переводов, что новый взгляд на текст “Комедии” невозможен? Безусловно, нет. Ибо в силу своей универсальности Поэма поворачивается новой гранью к каждому следующему десятилетию.

Стоит ли говорить, сколь пополнилось представление о “Божественной комедии” после публикации работы французского философа Рене Генона “Эзотеризм Данте”.¹⁵ Ждет своего прочтения и вышедшая на французском языке в 1940 году монография Д.С. Мережковского “Данте”.

Наше приближение к Вечной Поэме в том, чтобы в современных, уже неподцензурных условиях, дать тот “компасный поворот” песен “Ада”, который не был ранее проявлен.

Хотелось прежде всего передать поэтико-повествовательный и провиденциально-мистический срезы текста, которые обрели бы свое свободное мелодическое звучание. Намерение было создать даже не перевод, а музыкально-поэтическое переложение, в котором проставлены мистические акценты там, где они провидятся.

Каждый перевод, в большей или меньшей степени, поэтичен и каждый придает дантеане свои обретения, свои интонации, свою доминанту, свою “звукопись”. В каждом переводе наряду с обретениями есть и потери, которые неизбежны при стремлении объять необъятное...

Кажется не лишним напомнить, что еще в издании 1855 года переводчик и комментатор Д. Мин указал на одну важную особенность: “Свою переправу через Ахерон Данте покрыл непроницаемой тайной, - пишет Мин. - Поэт погружается в сон, во время которого чудесным образом переносится на другой берег, точно так в первой песне (Ад. I, 10-12) он в

¹⁴ М., Просвещение, 1988.

¹⁵ Русский перевод - “Философские науки”, 1991, №8.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

глубоком сне входит в темный лес. В таком же мистическом сне возносится к вратам Чистилища (Чист. IX, 19 и далее). Он засыпает также перед вступлением в Земной Рай (Чист. XXVII, 91 и далее”).¹⁶

Итак, действие происходит во Вселенной, меж реальностью и сном. Этот мотив скользит через образы и виды Поэмы, через встречи и перипетии сюжета. Здесь - один из ключей к прочтению: Сон бывает провидческим, во сне притекают к человеку из иных миров пророчества, во снах люди делают величайшие открытия или приобщаются к ясновидению...

Не у одного Данте символически сближались Смерть и Сон, в “Гамлете” у Шекспира: “Какие сны в том смертном сне приснятся, / Когда покров земного чувства снят?”¹⁷

Юный Гете, только побывав в состоянии клинической смерти, обрел “необыкновенную бодрость духа”, после того духовного перелома в нем раскрылась Гениальность.¹⁸ К. Бальмонт совершил неудавшуюся попытку самоубийства и, выжив, вышел к настоящему раскрытию своего таланта... Существуют и другие примеры.

Именно в приближении к последнему порогу и возвращении с него - Тайна, к которой шли Э. Сведенборг, Я. Беме, современник Данте - М. Экхарт.

“Божественная комедия” таит много тайн, нам суждено лишь коснуться их легким словесным прикосновением...

Станислав Айдинян*

¹⁶ Данте Алигьери. Божественная Комедия. “Ад” М.; 1855, с. 28.

¹⁷ Пер. Б. Пастернака.

¹⁸ См. Э. Людвиг “Гете”, М., 1965, с. 25.

*Автор перевода выражает искреннюю благодарность В. Богатыреву и Ж. Стогниенко, директорату ТОО “СПЕЙС”, благодаря дружеской поддержке которых стало возможно завершение работы и подготовка текста в печать.

АД
Песнь первая

Дорогу-жизнь пройдя до середины,
 Я запутал. Опомнился в лесу,
 Лес оборвался в темноту долины.

О палец на губах о лесе том!
 Дремучий ужас на ветвях кругом,
 Идти по буреломам круговерти

Скользенье мысли тут подобно смерти
 Я откровенье в ужасе постиг
 И тайну видел в первозданном свете.

Из сна ли я упал в жестокий лес?
 Видения смешались, стали ложью,
 След тела моего во мгле исчез

Но, приближаясь к горному подножью,
 К границе леса и его теней,
 Мне сердце содрогнувшихся лютою дрожью,

Я в темноте прозрел в небесный свет -
 Планеты нимб, для странников зажженный,
 Тропинки озарял.

Страх-демон мой исчез,
 Под взглядом высоты, лучисто освещенной,
 Ночь изнуренья тяжко отступала...

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Я задыхался, будто бы волной
 Из ночи той на берег Океана
 Был выброшен бурлящей глубиной

И сокровенности мое ядро
 Как зеркало темнело в путь обратный,
 Который углем смерти занесло.

Я оболочке тела отдых дал.
 Вверх устремился. Новою стопою
 Я равновесие земное ощущал.

В предгорьях круч увидел танец легкий
 Пантеры гибкой, чувственной как рысь,
 Узористая шкурой пятен блеклых

Она, виясь, мне заградила высь.
 Не в силах устоять перед соблазном,
 Чуть было не скатился снова вниз.

Но тут заря! Как в первый день творенья
 Круг солнца в ореоле звезд
 От Светоча любви зажег движенье,-

Казалось, с неба бодрость изошла
 Преодолеть ночное мельтешенье
 Мокнатой шкуры ужаса и сна.

Дыханье утра сдуло страхи смерти,
 Весной надежды тронуло меня.
 Но новый бес дрожащего астрала

Явился львом, гордынею страха,
 Неровной поступью он к сердцу подступает
 И ярость рыканьем голодного огня

Меня опять до трепета пугает.
И с ним волчица, знойно-блэдна, страстна,
Для слабых сколь алчбд ее опасна! -

Сковала душу гнетом желтых глаз
Соблазн вовсю терзал и, изнемогши духом,
Чуть восхождение я вновь не утерял.

Скупец, зарывший глубоко свой клад,
Но отыскать его уже не в силах,
Ни с чем бредущий с поисками назад -

Таким скупцом я чувствовал себя,
В мрак отступив, волчицею теснимый,
Туда, где солнца луч во мгле погас;

Я ощущил - ко дну стремит паденье,
Но кто-то появился предо мной,
Немой седою тяжестью молчанья

Средь безвременно-мертвенной тиши
Его увидев, я взмолился страстно:
- О, помоги заблудшему в ночи!

Ты человек, иль только тень живого?
И он в ответ: - Нет, не живой, я был им...
В Ломбардии рожден в дому отцов,

Что изошли из Мантуи старинной.
Явившись в поздний год "Sub Julio" на свет,
Живал я в Риме в Августа правленье,

Во времена сомнительных божеств;
Я был поэт и воспевал деянья Анхиза сына,
Что покинул Трою, оставив за плечами пепелище...

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Так что ж тебя толкает вниз, назад,
Вспять от причины Благости Вселенской,
От восхожденья к Солнцу всех отрад?..

- Вергилий! Это ты, родник священный,
Излившийся потоком чудных слов? -
Восторженно склонясь, я отвечал смущенно.

Высокой честью было припадать
И черпать твой источник совершенства,
Сломав непонимания печать

Любовью к дивным свивам начертаний
Воспринял я твой достохвальный слог,
Немало приложив к тому стараний...

Однако погляди, волчица вновь пугает,
И стынет кровь, и дрожь до самых жил!..
- Ты должен путь совсем иной направить,

Не скатываться в дикости овраг -
Он отвечал, мой тяжкий страх увида, -
Волчица, восходящих ненавида,

Стяжает жизни путников высот -
Их сбрасывая с горного порога
И, устремля вниз, клыками рвет.

В ней злоба лютая извечно холодна,
Чем больше сожрала, тем голодней она...
Совокупляется волчица с разной тварью,

И многих соблазнит, доколе Пес
Ее не выследит и не покончит с нею.
Не златом, не сокровищем земным,

Но мудростью, повенчанной с любовью,
Он восцарит меж войлочных пелен;
Италия им будет спасена,

Ради которой погребли Камиллу;
Турн, Нис и Эвриал легли убиты.
Погонит Пес из града в град волчицу,

Доколе не столкнет ее в Аид,
Откуда зависть хищницу избыла.
Тебе судьба - пуститься в путь за мной

Так в царство вечное тебя я отведу
Услышишь ты стенанье духов древних,
Увидишь и страдальных мертвцев,

Молящих смерти истинной - забвенья!
Узришь и тех, кто не лишен надежды
Очиститься огнем своих страданий

И ввысь уйти, смыв черноту грехов.
Но если ты допущен будешь выше,
Тебя душа достойнейшая ждет

И будет провожатой по вершинам.
Со мной расстанешься у светлого порога
Творец, кого я не умел прославить,

Пока был жив, не отомкнет ворот
Ни мне, ни тем, кто ввысь со мной идет...
Бог сущ везде, но за вратами

Бессмертия - пространство и Престол,
Там дом святых, что к вечности призваны...
Услышанный великими поэт!

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Молю Творцом, чьей ты не ведал силы,
Спаси от темной гибели меня,
Сподобь предстать перед врата святые,

Ключи от коих у апостола Петра.
Мне путь яви меж вечного огня,
Во тьме стенаний и ночных зова, -

Он медленно пошел, ведя меня...

Песнь вторая

День опадал в вечерний сумрак темный,
Усталых от трудов ведя ко сну,
Лишь я один себя готовил к схватке

С превратностями и тоской пути,
С томлением духа, с острым сокрушеньем,
Все, что увидишь, в память заключи!..

О музы, к вам порыв мой вечевой,
О разум, сердце мыслию осветляя,
Мое повествование открой!

Я начал речь: - Поэт, мой проводник,
А хватит ли моей душевной силы,
Чтоб за тобой в столь тяжкий путь идти?

Ты сам сказал, что Сильвия родитель,
Еще при жизни, смертный человек,
Допущен был сойти в теней обитель.

Но если Тот, кто волею лучистой сжигает зло,
Ему благоволил и осенил доверием и славой,
То несомненно и его избранье,

Летящее от правды белых крыл.
Он небом избран был, чтоб вечный Рим создать,
Стал прапуром, отцом своей державы.

Не отступлю я истину воззвать -
Над миром Рим возвысился престолом -
Преемникам Петровым восседать...

Он, твой герой, пройдя по дну бытъя,
В аду разведал к небу правый путь -
Дорогу папству отомкнул ключами...

Вослед за ним на третыи небеса
Пути спасенья верой освещая,
Вознесся Петр, он, Сосуд избранья, -

Но мне ль, скажи, смиренному сравниться
В деянии с апостолом Христовым
Или с героем древности Энеем -

Коль жребий мой - сойти в страну теней,
То сохраню ли там рассудок здравый? -
Тебе по мудрости всевидящей ясней...

Как передумавший, не довершив желанья,
Пускает все по старой колее,
Отбросив смелых замыслов избранье,

Так колебался я на мрачной крутизне,
Идти наверх или спускаться долу, -
То демон робости уж тосковал во мне.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Коль верно я постигнул речь твою, -
Тень эхом громовым мне отвечала,
Душой твоей владеет тварный страх

Рассудком он как зверь повелевает,
Бессмысля и безволия каждый день,
В чащобу ужаса от жизни убегает

Так слушай же, отбрасывая страха тень,
Кем зван я был к огню твоих страданий
От адовых преддверий, где вздыхают

Печально те, чья казнь не решена:
Я донной призван столь святой и чистой,
Что вопросил - что повелит она?..

В мерцаньи блеска звездооких глаз
Небесно-тихой речи уст нежнейших
Внимал я как гармонии чудесной.

Благоизбранный Мантуй поэт,
Чья слава окрылила песнопенья,
Которыми лучится белый свет!

Мой добрый друг, что претерпел гоненья,
При всходе потерял высокий путь
И вспять готов с отчаянья шагнуть

О нем молю - тревожны опасенья, -
Печальную слыхала свыше весть,
Помочь ему - не поздно ль намеренье?

Сойди к страдальцу! Словом сокровенным
Дух ободри его, к спасенью устремя,
Покровом будь ему и тем утешь меня!..

Перед тобою с просьбой - Беатриче,
Сошедшая из сферы, где любовь
Ей речь дала... Я возвращаюсь выше.

Пред Вседержителем я восхвалю тебя,
Твой подвиг многократно величая, -
Тут я умолкшей, светлой отвечаю:

Яснолучистая, одной тобой
Превыше смертный род всех остальных творений,
Рожденных в малый наш подлунный круг, -

Душою выпив смысл твоих велений,
Я их спешу исполнить поскорей,
Тебе служу! Не повторяй молений.

Но все ж скажи, какой великой силой
Нисходишь ты к отверженным в Аид,
Душою возвращаясь к Солнцу мира?..

- Коль хочешь снять завесу с этой тайны,
Пусть будет так, - я краткий дам ответ,
Да, в темный лимб спускаюсь без боязни,

Страх к сердцу подступает лишь тогда,
Когда скала судьбы висит над ближним,
Все остальное вовсе не беда...

Хвала Творцу, что жизнью безгреховной
Я удостоилась не ведать вашей скорби,
Нетленна я и в пекле преисподней

Над нами небо теплит лик Мадонны,
Ее слезой смягчился Божий суд,
Над тем, на чьем пути страстей препоны.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Мадонна, обратясь к святой Люции, промолвила:
“ - Твой данник в злых узлах,
Он бьется в них, пошли ему спасенье!

Люция, победительница зла, вошла в наш круг,
Где с ветхою Рахилю сидела я, Предвечному внемля
И говорит: - О, светоч, Беатриче, -

Ты, Господа Всесильного Хвала,
Сойди к тому, кто столь любил тебя,
Что ввысь над толпами взошла его дорога,

Спеши к его страдающему зову,
Иль злой поток, вращаясь и шумя,
Затянет в сети гибельного лова...

Никто не удалялся столь поспешно
От бед своих и к счастью не летел,
Как я, услышав сердцем слово скорби

К тебе, певец, спускалась в темный мир,
К тебе, чей мудрый дар речей высоких
Возносит и тебя, и тех, кто внелет им”, -

Она сказала. Взор ее печальный
Лучился слезно вечностью светил
И торопил к тебе полет мой дальний.

И вот я здесь по воле звездоокой,
Я вовремя успел тебя спасти
От зверя, что с горы свергает стольких...

Так в чем теперь твой камень преткновенья.
Опять в душе постыдный робкий страх,
Опять струножен робостью смущенья?..

Ведь девы три, что избраны для рая
Самим Творцом, пекутся о тебе,
И над тобою их покров и слава!

Как в холодае ночном земной цветок
Поник, увял - но лишь заря восстанет,
Он к солнцу снова тянет лепесток -

Так я воспрял, вскипела сила вновь,
Дух веры волю озарил, мерцая,
Певцу-поэту я ответить смог:

- О благо ей, что дарит избавленье!
Триумф тебе, что действовать спешил,
И выполнил святое порученье.

Все решено! Ты разум мой склонил
В Элизиум спуститься за тобою,
Я подчиняюсь голосу вершин,

Своей да буду я покорен доле.
Мой господин, наставник, проводник! -
Так молвил я и за его стопами

Пошел сквозь дебри леса напрямик...

Песнь третья

Я провожаю в город муки вечной
Я увожу сквозь строй скорбей в века
Спустись к погибшим в бездне бесконечной.

Из нитей Истины я свит рукой Творца
Из единства силы всемогущей,
Любовью, мудростью и светом без конца.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Я создан в хроносе первотворенья,
Первой всех тварей и останусь вечен,
Оставь надежду всяк сюда вошедший

Над входом ниспаденья чернь письмен
Меня объяла смутною тревогой, я прошептал:
- Наставник мудрый мой!
Мне страшен, непонятен смысл их строгий!

Благожелательно звучал его совет:
- Сомнения оставил за порогом,
Зажги светильник веры, человек!..

Как я сказал, тебя веду туда,
Где круг за кругом бедственные тени,
Чья мысль во тьме угасла навсегда.

Он руку сжал мою, мне силу подарив,
И токи света от его лица
Нам озарили путь над темной бездной.

В кромешном мраке, душу ледяня,
Кружили плач, стенания и крики
Не смог сдержать рыдания и я,

Услыша вопль из слов разноязыких
То яростный, то грустный всплеск речей, -
Стон боли и хулы безбожно-дикой

Сливались в вой безвременной тоски,
Кружаси смерчем, поднявшим песчинки
Во глубине пещерной темноты.

Испуга обруч разум мне сковал
И я спросил учителя, мертвяя,
За что Всевышний этих наказал?

Ответил он: - Здесь стонут и кружат
Те, кто ни злым, ни добрым не был в мире,
О ком молчит посмертная мольва.

И здесь же ангелов отверженных острог,
Тех, что на Бога хоть и не восстали,
Но ими не был и поддержан Бог -

Отвергнутые высотой небес,
Не принятые и в адские глубины,
Своей виною по кругу гонимы.

Учитель, расскажи про эту тяжесть,
Что давит, извергая слезный стон?
- На этих нам не стоит тратить время!

По сути, кратко, смерти нет для них,
А жизнь без жизни столь уж нестерпима,
Что к участи иной рыдает зависть их,

О ком исчезла память в вашем мире,
Им нету ни надежды, ни суда -
Что скажешь тут? Взгляни и - мимо.

Я глянул в сумрак выующейся толпы
И различил - над нею рваным стягом
Летело знамя грешной суэты.

За знаменем - теней бесчисленный рой
Бежал волслед. И я не мог поверить,
Неужто стольких срезало косой?!

Я нескольких из стонущих узнал
Там был и тот, кто в старческом бессилье
От жребия небес отречься захотел

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

И мне открылось, я постиг итог:
Здесь вертят смерчи выброшенных адом,
И их же свыше не приемлет Бог.

Сброд обезжизненный, еще при жизни мертвый,
Бежал нагой. Роилися над ним -
И злобно жалили - слепни и осы

Кровь с изъязвленных лиц катилась ниц,
Мешаясь по дороге со слезами
И, падая, сжиралася червями.

А дальше - зренем я достиг толпы,
Скопившейся на берегу реки широкой,
И вопросил: - Учитель, не смолчи, -

Кто этот люд? Кем он тесним жестоко
Со всех сторон - к обрыву у скалы, -
Вот-вот падет с высот на дно потока?! -

- Поймешь ты скоро все, - ответил он, -
Когда, идя вперед страной печали,
Мы к берегу Ахерона подойдем...

Докучным вопрошением своим -
К учителю - я сам теперь смущился
И замолчал, взор долу опустив.

Мы подошли к воде. Гребет в ладье навстречу
Старик седой, власы как древний дым
И он кричит - "Проклятье, горе злым!"

Прощайтесь с небом, встреченные мною!
В моей ладье, в ней места нет живым,
Вас отвезу во мрак, где жаркий холод зноя...

А ты, живой, зачем еще до срока
Ко мне явился? Прочь, на свет иди! -
Но я не двинулся. Тогда старик прибавил,-

Иным путем, другою переправой,
Сужден твой путь, пока же погоди,
Чтоб нетяжелый челн тебя доставил..."

Мой вождь сказал: - Молчание, Харон!
Живой обходит бытия подвалы по воле Свыше,
Той, чье пожеланье равно осуществленью, замолчи!

Оцепенел косматошерстый лик,
Недвижим стал, однако засверкали
Сильней глаза, кружась вокруг орбит.

Над роем мертвецов, скрежещущих зубами,
Слова жестокие когда занес Харон,
Их тени страшные еще бледнее стали

И гром проклятий разорвался ввысь -
Дню, часу, семени и роду и Творенью,
И человечеству, Творцу и Провидению.

Затем, рыдая, будто по велению, -
Все двинулись на берег гробовой,
Сужденный всем, кому не ждать спасенья.

И дух-Харон, врающая ярым оком,
Что рдеет углем над толпой теней,
Веслом в ладью их гонит над потоком.

Как в бурю осенью со стонущих ветвей
Лист за листом слетает в мрак дождливый,
И гнется ствол, листву лишившись всей, -

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Так смерть, сорвав людей с Адама древа,
Бросает их в последнюю ладью -
В силок как птицы падают бескрыло.

Они отчалили. Плынут над глубиною,
Но прежде, чем достигнуть берегов,
На пристани столпятся тени снова".

- Мой сын, - сказал Наставник благородный, -
Кто не раскаялся пред Господом в грехах,
Те непременно будут здесь, в сетях

По воле Высшего, чьим промыслом влекомы,
Торопит тени собственный их страх,
Тревожных гонит ледяной дорогой...

Не может быть здесь живших доброй волей:
Понятно, отчего разгневался Харон,
Тебя увидев в сумрачной юдоли.

Едва он кончил речь, - как, громом оглушая,
Пространство вздрогнуло и сотряслось кругом -
В поту холодном миг тот вспоминаю.

Из недр земли поднялся вихрь времен,
Дол молнией багровой освещая,
И разум, чувствами, как искрами, мерцая,

Упал в тяжелый, беспробудный сон.